
Юлия Шевченко
Травница
по завещанию

Юлия Шеверина
Травница по завещанию

https://litres.ru/74732879

Аннотация

Получила в наследство лавку травницы и двух взбалмошных фамильяров. Теперь живу в волшебном мире, собираю травы, торгую зельями. Коплю денежку, чтобы заплатить колдуну и снять проклятье с сестры, которую считала мертвой. Вокруг крутится красавчик-следователь. Говорит, моими зельями отравили короля. Ой, не наговаривайте на моих клиентов! Это приличные вампиры, оборотни и суккубы! Зачем им яд, есть же клыки. Я отравила?! Нет, это уже перебор!

Содержание

Глава 1. Моя последняя годовщина 4
Глава 2. Ландыши в сентябре 6
Глава 3. Мои нежданные фамильяры 11
Глава 4. Что еще нужно для счастья? 17
Глава 5. Тайная дверь 21
Глава 6. Мое решение 27
Глава 7. Розовый бархат 31
Глава 8. Новые обстоятельства 35
Глава 9. Платье моей мечты 41
Глава 10. Мастерская переодеваний 45
Глава 11. Кажется, у меня будет подруга! 51
Глава 12. Нежный вампир 55
Глава 13. Дворец 60
Глава 14. Николас Лим наедине со своими мыслями 65
Глава 15. Он меня обнюхал! 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Глава 1. Моя последняя годовщина

К пятилетней годовщине свадьбы я начала готовиться дня за три, но все равно накануне приезда свекрови обнаружила, что закончилось масло, бумажные салфетки и ванильный сахар, будь он неладен. Витя пришел домой поздно, просить его постеснялась.

Утром, пока муж спал, побежала в магазин. Собиралась на пять минут, а вышло, как всегда. Вернулась через полтора часа, груженая четырьмя огромными пакетами. Вывалилась из лифта, чувствуя, как шумит кровь в висках. Волоком потащила пакеты до двери, молясь, чтобы купленные для свекрови яблоки и груши не раскатились по полу.

Разогнулась только у нашей двери, вставила ключ в замок, но повернуть не успела. Дверь открылась мне навстречу.

— Витенька! — обрадовалась я, — Как хорошо, что ты про…

Я осеклась, глядя на немного испуганное лицо мужа, на судорожно сжимаемую им ручку дорожного чемодана.

— Витя, ты что, в командировку? — растерялась я, — А как же годовщина? Когда ты вернешься?

— Марьяна, — муж опустил глаза, — я не вернусь.

Мои руки беспомощно разжались, фрукты застучали по полу.

Муж поднял на меня глаза и снова опустил. Пожевал губу

и твердым голосом, вбивая каждое слово мне в самое сердце, произнес:

— Нам нужно развестись. Я тебя больше не люблю, Марьяна. Я ухожу.

Меня качнуло в сторону, голова закружилась, я медленно начала оседать на пакеты с продуктами.

— Витенька, — вырвалось у меня.

Потянула руки к мужу, попыталась ухватиться за него. А он… отшатнулся, сделал гадливое выражение лица, будто не законная жена к нему тянется, а страшная мерзость.

— Я уже подал документы на развод, — пробормотал Витя, протискиваясь мимо меня, — с тобой свяжется мой адвокат.

Информация про адвоката убила меня окончательно. Не в силах осознать масштабы разрушения моей жизни, я прислонилась к холодной стене и безучастно наблюдала, как двери лифта скрывают моего любимого, единственного и самого дорогого человека.

Горькие слезы потекли из глаз. Я сама не заметила, как опустила лицо в ладони и сжалась в комок.

Не знаю, сколько я рыдала. Здесь, на полу подъезда, в окружении развалившихся пакетов, меня застал звонок с незнакомого номера.

Глава 2. Ландыши в сентябре

— Здравствуйте, это адвокат, — услышала я в трубке, — через полчаса к вам приедет курьер.

— Да-да, — подтвердила я, всхлипывая в ответ.

Ничего себе, как быстро. Витя так сильно хочет со мной развестись, что решил все успеть в день годовщины?

Сдерживая новый приступ слез, едва поднялась на ватные ноги. Только зашла домой, как в дверь позвонили.

Курьер молча сунул мне конверт и ушел. Странно, не дал ничего подписать.

Читать бумаги на развод не было никакого желания. Не глядя бросила конверт в угол и упала на кровать. Ту самую кровать, которую мы с Витькой вместе выбирали после свадьбы…

Я почувствовала себя в пугающем одиночестве. Захотелось поговорить с сестрой, с мамой, с папой. Потянулась к телефону и тут же равнодушно уронила его на покрывало.

Увы, мне некому звонить. Три года назад на даче, где обитала сестра, замкнуло проводку. Марго сгорела вместе с домом. Пламя было такое, что даже тело не нашли. Мама не смогла пережить горе, да и возраст уже не тот. Похоронили через полгода. Еще через год ушел папа.

Но у меня остался один родной человек. Со Светой мы дружим с первого класса. Вместе пошли в школу, потом в

университет, на экономический. Вместе устроились на работу. Только она осталась, пошла на повышение, а я ушла в домохозяйки — обустраивать уют для своего Витеньки.

Света потом помогла ему с работой — устроила в свой департамент. С его опытом взяли бы обычным программистом, а с ее помощью сделали сразу руководителем отдела.

Я набрала номер подруги. Она взяла трубку после первого же гудка.

— Свет, — я была ужасно рада слышать её родной голос, но тут же сорвалась в слезы, — можно я к тебе приду? У меня тут такое случилось… От меня Витька ушел…

Светка в ответ только вздохнула в трубку.

— Не сегодня, Марь, — сказала она, — давай в другой день?

— Почему?

Мое сердце разбито сегодня!

— Твой Витя, ты знаешь… Марь, я надеюсь, мы с тобой останемся подругами?

— Что? — не поняла я и тут услышала на фоне у Светки очень знакомый голос, — Витя? Витя у тебя? Что он…

Страшная догадка ослепила меня. Я медленно отняла трубку от уха и выронила телефон, в котором шум быстро сменился на короткие гудки.

Витя что, ушел от меня к Свете? Да как он мог?! Ведь я все для него делала. Мои родители купили нам квартиру, я ушла с работы, чтобы следить за домом, я же познакомила

его со Светой. Я сама… сама отдала его в руки разлучнице!

И она хороша. Подруга, называется!

Слезы отчаяния сменились злостью. Рука сама потянулась к конверту с бумагами. Сейчас подпишу и пусть эти предатели наслаждаются обществом друг друга.

Стоп. Что это значит? На обратной стороне почерком с витиеватыми завитушками было написано:

«Последняя воля Маргариты Красновой».

Так это не про развод? А что же?!

Быстро рву конверт. На колени падает сложенный вдвое лист бумаги.

Разворачиваю — «Завещание». Я и не знала, что сестра успела его составить. Но почему мы не получили его раньше?

Пробегаюсь по строчкам. Начинаю догадываться, почему завещание прислали именно сегодня.

Я значилась в нем единственной наследницей и чтобы оно вступило в силу, я должна быть одна, не в отношениях.

Ниже рукой сестры была написана инструкция, как получить мое наследство.

«Открой дверь в мой дом. Зайди, когда увидишь ландыши. Семен и Изольда все расскажут.»

Я перечитала несколько раз. О том, что именно оставила мне сестра, не было ни слова. Как я зайду в дом, он же сгорел? Ландыши… в конце сентября? Какие-то Семен с Изольдой. Соседи? Не помню таких. Бред какой-то.

В кармане брякнул телефон. Свекровь написала, что они

будут через час. О нет, Витя им ничего не сказал…

Меньше всего сейчас хотелось видеть витькиных родителей… и объяснять им, что натворил их сынок.

Я снова посмотрела на листок. Сунула в конверт, быстро оделась. Через полчаса уже ждала электричку на вокзале.

Дача в небольшом поселке в четырех часах от города. До дома добралась уже после обеда. Точнее, до того, что осталось от дома.

Калитка заросла кустами, забор покосился. За ним чернеют обуглившиеся столбы.

Это привело меня в чувство. Что я здесь делаю? Зачем приехала? Что хочу увидеть? Может, стоит вернуться на станцию и на следующий электричке вернуться в город?

Подул ветер, незапертая калитка распахнулась. Ноги сами понесли вперед, на выложенную камнем дорожку. Я прошлась вдоль печального пожарища. Достала еще раз записку от Марго.

«Открой дверь в мой дом. Зайди, когда увидишь ландыши…»

Собственно, все, что осталось от дома — крыльцо и чудом уцелевший дверной косяк, темным прямоугольником выделяющийся на фоне светлого неба. Искомая дверь была на месте — висела чуть наискось на одной петле и поскрипывала на ветру.

Я обошла пожарище по кругу. Ну конечно, никаких ландышей на заваленной желтыми листьями земле не было.

Уже думала уйти, но зачем-то поднялась по ступеням на уцелевшее крыльцо, тронула рукой покосившуюся дверь. Последняя петля печально щелкнула, обрываясь. Дверь с грохотом упала вниз, подняв в воздух черную угольную пыль.

— Ой! — вскрикиваю от неожиданности, делаю шаг назад, едва не падаю на осклизлых досках.

Мне открывается вид на обугленный остов маргошиного дома. Внизу, в черных обломках передо мной, блестит светлое пятнышко. У меня замирает дыхание.

Посреди пепелища белеют нежные колокольчики. Ландыш! Спрятался в глубине, между обрушенных балок. Со стороны я его не увидела, только сверху, с крыльца.

Забываю об осторожности и делаю неловкий шаг вперед, в покосившийся дверной проем.

Подгнившие доски под ногами трещат. Понимаю, что лечу вниз.

— О-о-о-й! — вырывается у меня.

Зажмурилась, выставила вперед руки, надеюсь, что подо мной не окажется ржавых гвоздей и осколков стекла.

Полет с невысокого крыльца кажется неожиданно долгим. Секунд пять-шесть. И падаю я не в отсыревшие угли, а во что-то теплое, мягкое и обхватившее меня сильными руками.

— О-о-о-й! — хрипит это что-то низким мужским голосом.

Глава 3. Мои нежданные фамильяры

Наличие незнакомца на пепелище сестриного дома шокирует не меньше, чем отсутствие удара о землю. Я распахнула глаза. Вместо пасмурного осеннего неба над головой низкий сводчатый потолок, вместо обгорелых деревяшек — крепкие каменные стены. Под ногами — утоптанный земляной пол. В воздухе стоит запах пыли и затхлости, характерный для старого шкафа или подвала. Дополняет картину мягкий свет из маленького окошка наверху. В его луче я вижу удивленное мужское лицо: большие черные глаза, прикрытые густыми подрагивающими ресницами, прямой нос, резкий, будто рубленный подбородок, чуть тронутые румянцем щеки со следами утреннего бритья.

Парень мне незнаком, красив, и, о ужас, я сижу у него на руках, как квочка на насесте!

Стоило дернуться, как молодой мужчина тяжко выдохнул и согнулся в поясе. Это куда я там ударила?

По щекам пополз жар.

— Простите, — бормочу я, — не хотела.

— Вы еще и не хотели, — хрипит он, не выпуская меня из рук, — страшно представить, что будет, когда вы чего-то захотите...

— Не захочу! Отпустите, я могу стоять!

— А я уже нет…

Это не правда. Он все еще удерживает меня на весу. Я чувствую его руки на своей спине и под коленями.

Он оглядывается и бормочет про пыль, грязь и запустение, в которое невозможно поставить даму. Наконец, несет до темной лестницы, распинывая по дороге хлам на полу, осторожно ставит меня на нижнюю ступеньку. И только тогда с интересом осматривает. Его взгляд ненадолго задерживается на моих темно-синих джинсах и осеннем пуховике, но дольше всего он смотрит мне в глаза. Будто узнал меня. Но я уверена — мы не знакомы!

С не меньшим удивлением разглядываю черный шерстяные камзол, расшитый серебристой нитью, темно-серые брюки и мягкие кожаные сапоги чуть выше щиколоток. Удивительно, но этот старомодный костюм парню к лицу. И сшит по фигуре. Крепкой такой фигуре.

Решаюсь первой разрушить тишину.

— Я — Марьяна, — протягиваю руку, — а кто вы такой?

В окошке над нашими головами мелькают ноги в латаных ботиночках, слышится глухой стук — так бьется о старую деревянную дверь тяжелый латунный молоточек. Откуда я это знаю? У Марго на даче был такой.

— Николас Лим, — парень берет мою руку в своею ладонь, поворачивает тыльной стороной вверх, легко касается губами, — начальник королевской охраны.

Сверху продолжают стучать. Я не знаю, что делать. Вырвать руку у сумасшедшего любителя антикварного текстиля и бежать из подвала со всех ног или… он поднял на меня свои черные глаза.

— Николас, — я только и смогла, что выдохнуть его имя.

— Я здесь по государственному делу, — мои пальцы медленно скользят по его ладони, — а что вы делаете в этой заброшенной лавке?

В какой еще лавке? Мне казалось, я в подвале!

— Не знаю, — честно призналась я.

— Почему вы так… одеты? — в его голосе слышу неподдельное беспокойство.

— Не знаю…

Как я одета? Смотрю на свои ноги в стареньких кроссовках. Да, не шикарно… Выстиранные джинсы, пуховику уже года три, на рукавах уже протерся. Но я на дачу ехала, не в ресторан.

— Вы понимаете, где вы и зачем?

Николас склоняет голову, наблюдает за моей реакцией. А я… да я понятия не имею, что я здесь делаю.

Пожимаю плечами. Скулы на лице парня дергаются — нервничает?

— Знаете кого-то в Веллингере?

— Где?!

Отступает на шаг назад. Что-то не так?

— Марьяна, — наконец, говорит он, — Как так вышло,

что вы попали в подвал в самом центре Веллингера? В момент, когда я решил его осмотреть?

Ответов на эти вопросы у меня нет. Я и сама с удовольствием получить ответы на них.

Парень смотрит в мои честно распахнутые глаза, вздыхает.

— Собирайтесь, Марьяна. Нехорошо одинокой девушке бродить по чужим подвалам. Поедем во дворец, там уже разберемся, кто вы такая и как вам помочь.

За моей спиной слышится шорох.

— Никуда Марьяна не поедет! — слышится у меня из-под ног.

Волосы бросает порыв ветра. По подвалу проносится тень. Она делает пару кругов и неуклюже падает мне на плечо.

— Мышь! — кричу не от страха, а от неожиданности.

Мышей я не боюсь, но когда на плечо пикирует упитанная такая летучая тушка и в лицо резко тычется мордочка с влажным черным рыльцем и глазками-бусинками…

— Семен, — представляется мне летучий мышь, соскальзывает с пуховика и ползет обратно на плечо, оставляя за собой цепочку затяжек, — Осторожнее, Марьяна, не затопчи Изольду Карловну.

— Кого?! — я перестаю дергаться, смотрю под ноги.

— Меня! — радостно объявляет толстенький бело-рыжий хомяк с скрученным в трубочку свитком в маленьких лап-

ках, — рада знакомству, Марьяночка! А вас, молодой человек, просим покинуть Марьяночкины владения! — заявляет Изольда.

— На каком основании? — Николас говорящим животным не удивлен, только немного напрягся, когда хомячиха начала его выпроваживать.

— На том, — напыжилась Изольда, — что это частная собственность! Марьяночкина! Марьяночка у нас — потомственная травница, а мы — её фамильяры! На этот счет у нас и документик имеется!

Хомочка ткнула скрученным в трубочку листочком в сторону Николаса. Какая воинственная дамочка. Будь у нее в руках шпага, проткнула бы насквозь.

Ник только усмехнулся. Спокойно взял рулончик, развернул, пробежался глазами.

— Прошу прощения, госпожа Марьяна, — сказал он, сворачивая листок и возвращая его бойкой хомячихе, — сказали бы сразу, что прибыли вступить в право наследования.

Изольда Карловна недвусмысленно затопала крошечной лапкой по ступеньке.

— Кхм. Что ж… поступила жалоба, что дом третий год стоит пустым. В мои обязанности входит проверять такие подозрительные места. Не завелась ли нечисть, нет ли проблем.

— Не завелась, — фыркнул Семен, — и дом вовсе не пустует! Мы присматривали, ждали наследницу. Дождались вот!

Глава 4. Что еще нужно для счастья?

Тяжелые мужские шаги растворяются в звуках улицы.

— Спровадили, — радуется хомячка.

— Спровадили, — повторяю я за новой знакомой и опускаюсь на колени — хочется рассмотреть её поближе.

Летучий мышь сползает с моего плеча, садится рядом с подругой.

— Семен Семенович, — важно представляется он, — твой фамильяр.

Мой фамильяр довольно упитанный, с маленькими любопытными глазками и крошечными черными лапками с когтистыми кожистыми пальчиками. Голова с остренькими ушками покрыта золотистой шерсткой, переходящей в рыжеватую на плечах и спинке.

Семен видит мой интерес, крутится, демонтируя кожистые крылышки и куцый хвостик. Тяну руку к малышу, он доверчиво подставляет бочок. И почему люди боятся летучих мышей? Семен — милашка. Под моими пальцами бархатная шерстка, волосок к волоску. И весь он мягонький, косточки хрупкие — страшно тронуть.

Изольда Карловна более сдержанная и солидная дама. Бело-рыжая пухляшка с трогательно торчащими округлыми

ушками и влажно поблескивающими кругленькими глазками.

— Марьянушка, девочка ты наша, — хомячка трогательно прижимает лапку к мордочке, — как мы тебя ждали, как ждали! Наследство твое хранили, берегли.

Не знаю, что смущает меня больше — опека в голосе крошечного комочка шерсти или что они с летающим мышем ждали меня три года, а я про них ничего не знаю. Ждали и ведь дождались!

— Чего попусту голосить, — ворчит Семен, нетерпеливо переступая лапками, отчего тонкая кожица на его крылышках натягиваются крошечной палаточкой, — Дай лучше бумагу новой травнице. Как положено…

— Ой, да знаю я, как положено! — осекает его Изольда Карловна, возмущенно подергивает пушистыми щечками, — Дай налюбоваться на нашу девочку! Волосики шелковые, глазки светленькие, вся в нашу Марго.

— Вы знали Марго? Давно?

Вопросы у меня риторические. Скорее из вежливости, чем из желания узнать новое. Давнее знакомство с сестрой очевидно — не будет же она доверять незнакомцам важный документ.

— Знали, знали! Давно! — подхватывает летучий мышь, — Считай, с восемнадцати годков. Она как ты, получила наследство. Жила на два мира. В вашем семья у нее была, в нашем — собирала травки, торговала зельями.

— Да, красавица была! Очень уж ты на нее похожа. Та же порода. Ох, хороша новая травница, хороша. Ну да, Марьяночка, девочка, держи список наследства, ознакомься!

Она тянет лапки с рулончиком тонкой белой бумаги. Осторожно беру, разворачиваю.

— Ой, тут все непонятно, — беспомощно смотрю на хомочку и мыша.

Документ составлен на неизвестном мне языке. Буквы — закорючки, письмо без единого пробела, все предложение — единой линией с петельками и хвостиками тут и там.

Фамильяры бросаются ко мне — помогать. Стелю листок прямо на ступеньки. Мне начинают подробно переводить.

— Вот тут написано, — проводит Изольда по вертлявым загогулинам, — что городская травница Марго завещает тебе, Марьянушка, свою лицензию на травничество, а также движимое и недвижимое имущество.

— Движимое — это мы, — поясняет Семен, — а также книга рецептов, запасы трав и зелий. На то у нас отдельный список есть. Недвижимое — это дом и земля под ним, а еще луг и лес за городом. Там у тебя травки растут самосадом.

— Дом хороший, большой! — хвастается Изольда, — на первом этаже торгуем, на втором живем, тут, в подвале — варим зелья.

Скептически осматриваюсь — вокруг ровным ковром лежит пыль, мебель частью раскидана, частью поломана — такую разве что на дрова. Где тут зелья варить?

— Земля вокруг дома тоже твоя, девочка моя ненаглядная, — Изольда моего сомнения не замечает, дальше расхваливает наследство, — На заднем дворе у тебя парничок для редких растений, садик с грядочками. Куча компостная. Большая, унавоженная. Что ещё для счастья надо?

Даже не знаю… Ну если унавоженная, то конечно…

Глава 5. Тайная дверь

— Семушка, Изольда Карловна, — обращаюсь к говорящим зверькам, они замирают, ловят каждое слово, — вы мне нравитесь, но… какая из меня травница? Мне уже двадцать пять, а я в вашем мире первый раз. Как я останусь? Я же ничего не знаю. Мне бы обратно?

Сема весь сжался, Изольда наоборот — распушилась.

— Марьяночка, девочка, да что ты говоришь такое! Как это обратно? Мы тебя так ждали! Оставайся, мы с Семеном тебе все расскажем, покажем. Да и она тебя травы различать учила с детства. Говорила, у тебя талант редкий, особый!

Я задумалась. И правда. Все каникулы я проводила на даче у сестры. Разница в возрасте у нас была большая — когда я родилась, Марго уже была взрослой девушкой. Но она нянчилась со мной, травки показывала, учила различать по листочкам, по корешкам. Зимой мы часто сидели у печки и перевязывали сушеные травы в пучки. Аромат стоял — уютный, теплый, домашний. Повзрослев, я спрашивала у сестры, что за травки так пахнут. Она говорила — душица и зверобой. Но сколько я ни собирала их позже, никогда не получала того аромата. Видимо, таскала сестрица травки из другого мира. Интересно, что её тут держало?

— Учила, — подтвердила я, — но надо же будет зелья варить. Да и в моем мире у меня вся жизнь. Заметят, что я

пропала, будут искать. Нет, мне надо вернуться!

— Ой, да что тебе в том мире? — всплеснула лапками Изольда, — Марго наша сразу хотела тебя забрать. Но ты еще на первом курсе любовь свою втретила. Она решила тебя не тревожить. Потом ты замуж вышла, она так и вовсе решила тебя в вашем мире оставить. Бросить ты мужа не бросила бы, а жить на два мира — тяжко.

Хомочка покачала ушастой головой, задергала щечками.

— Марго так и не вышла замуж… — вырвалось у меня.

— Угу, — подтвердил Семен, — Марго сама счастья семейного не обрела и тебя лишать не хотела. Пожалела. О двойной жизни никому нельзя говорить, даже близким. Потому ты и не знала, Марьяна.

— Но мы про тебя все-все знаем, Марьяночка! И как в школе училась, и как науки экономические в университетах постигала, и как замуж вышла за свою любовь!

— Жаль только, любовь моя не взаимная оказалась… — пробормотала я.

— Как знала Марго, как знала, — вздохнул Сема, — на завещание заклятье наложила, чтобы ты получила его только если счастье твое семейное разрушится.

— Мы и радовались, и печалились эти три года, — всплакнула Изольда, — вроде бы грустно, что не встретимся, не посмотрим на нашу девочку, а вроде и радостно, что у тебя все хорошо. Семья….

— Гадали, как ты. Думали, детишки пошли, — Сема пыт-

ливо заглядывает мне в глаза, — А как на Марго напали, так связь с тобой прервалась. Думали, уж не явишься.

— Но надеялись! — заверяет Изольда, — Ждали тебя, спасительница ты наша! Так что знаем — если бы тебя счастье семейно держало, завещание в силу не вступило бы. Оставайся с нами, Марьянушка! Тебе у нас будет хорошо!

Хомочка обхватывает мою ногу крошечными лапками. Мышь ковыляет до хомки и накрывает её своими кожистыми крылышками, обнимая нас обеих.

— Что-что стало с Марго? — информация доходит до меня поразительно медленно — видимо, шок после переноса в другой мир, — Она не сгорела?

— Нет конечно, — из-под семиного крыла высовывается пухлощекая мордочка.

— Мы тебе сейчас все покажем, — Сема отрывается от моей ноги и летит в противоположный угол подвала.

— Вовремя ты на этого Николаса упала, Марьянушка, — приговаривает Изольда, — он по дому пошнырял, спустился в подвал. Мы с Семеном как раз решали, как его выставить. Без законной хозяйки мы права такого не имеем, а тут девочка наша раз и прямо на голову этому королевскому прихвостню падает!

— Прямо на голову? — чувствую, как щеки теплеют.

А ничего у парня реакция — с ходу поймал, только ойкнул.

Сема вовсю пытается разгрести завал, но лапки у него

слишком маленькие. Спешу на помощь. Прошу малышей отойти подальше, чтобы не зашибить. Оттаскиваю изломанные деревяшки.

— Это мы расстарались, — хвастается хомка, — придавали подвалу заброшенный вид.

— Зачем? — гора приличная.

— Как раз на случай, если будут шастать всякие, — объясняет Сема, прыгает по ножкам поломанных стульев, — кому интересно бродить по заваленному хламом подвалу?

— Николасу? — предполагаю я.

— Он один за все три года и заинтересовался, — недовольно бурчит хомка, — когда Марго пропала, не сразу хватились. Мы успели все попрятать.

— Изольда Карловна ножки стульям перегрызла, крыс соседских подрядила стулья в кучу стащить, я пыли натаскал, — отчитался Семен.

— Что ж там такое, скажете? — я порядочно уже расчистила проход к стене и уже вижу небольшую дверку.

— Сейчас сама все увидишь, Марьяночка, — Изольда раздувает щечки от важности.

Дверь не заперта, на ней вообще нет замка, только небольшая деревянная защелка-вертушка. Поворачиваю, открываю. Вижу здоровенный кусок стекла, выглядывающий из темноты.

— Ой, девочка наша же чаровать не умеет! — вскрикивает Изольда и скачет по лесенке за кусочком свечки.

Свечку она приносит странную — сразу зажженную, при том воск не плавится и сама свечка едва теплая, но света дает как хорошая лампочка.

— Зачарованная, — поясняет хомка.

— Смотри, что там! — Сема нетерпеливо скачет по торчащему в проеме стеклянному торцу.

Дверка узкая, весь проход загораживает стекляшка. Протягиваю руку внутрь — сначала ничего не понятно. Помещеньице за дверкой маленькое, почти полностью занятое здоровенным куском мутного стекла, в глубине которого пульсирует крошечный фиолетовый огонек.

— Доставай скорее! — требуют Изольда и Сема.

— Что достать?

— Да гроб же! — пояснят Изольда.

Присматриваюсь и с ужасом понимаю, что за бликами внутри стекляшки виден темный силуэт. Ужас какой… Фамильяры, будто с ума сходят. Просят, чтобы я поскорее этот стеклянный ящик достала. Да он весит, наверное, тонну!

Трогаю рукой и понимаю, что ошиблась. Гроб легко поехал глубже, внутрь. Хватаю его за выемку в крышке, тяну на себя. Вытягиваю до половины и уже вижу сквозь прозрачный верх ноги в кожаных сапожках, прикрытые подолом зеленого платья. Дальше приходится прерваться — подвал завален художественно погрызенным хламом. Разгребаю. Вытаскиваю гроб на освободившуюся площадку. Когда из темноты выезжает дальний край, внутри у меня все сжимается.

Я вижу лицо. Стекло мутноватое, покрыто пылью, но я почти уверена.

Смотрю на замерших фамильяров сквозь проступившие слезы. Сдвигаю крышку и чуть не роняю её на пол.

— Марго! — падаю на колени рядом с гробом, в котором лежит моя сестра.

Глава 6. Мое решение

Сестра будто спит, только грудь не движется. Лицо — родное, любимое. Темные волосы с седой прядкой уложены в две толстые косы. Глаза закрыты. Целую лоб — кожа прохладная, но не одеревенела. Дыхания нет. Проверяю сердце — не бьется. Беру исколотые травами руки, прижимаю к лицу, чувствую знакомый запах дома, уюта, теплых вечеров.

Оборачиваюсь к фамильярам.

— Она умерла?

— Нет, Марьяночка, — в голосе хомки сожаление, жалость, надежда.

— Что тогда с ней?!

— Она обманула смерть, — Сема прыгает Марго на грудь, берет крошечными лапками небольшой кристалл.

Он то чернеет, то пульсирует фиолетовым светом.

— Это было страшное проклятье на смерть. Оно отравляет тело и забирает душу. Но Марго знала, как оно действует. Как увидела, что проклята, тело свое заморозила и спрятала в хрустальный гроб. А душу — в кристалл. Проклятье застряло в теле без души. И убить не может и покинуть тело…

Вижу, что оба фамильяра не спускают глаз с фиолетового огонька внутри кристалла.

— А почему камень мигает?

Ушки Изольды печально опали.

— Нельзя долго душу в кристалле держать… Марго говорила, три года — предел. Дальше душа уйдет, — хомочка перешла на шепот и затихла.

— Душа уйдет, и что тогда будет с Марго? — спрашиваю и понимаю, что знаю ответ. — Нет! Я этого не допущу!

— Потому мы и надеялись, что ты явишься, — говорит Сема, — больше у Марго родных не осталось. На тебя, Марьяна, вся надежда.

Прикидываю в уме. Дача Марго сгорела в конце октября. Значит, где-то в это время на нее наложили проклятье. Сейчас середина сентября. Выходит, у нас чуть больше месяца, чтобы снять проклятье.

Хомка и мышь смотрят на меня ожидающе. Ждут, что я скажу. Вижу, боятся, что откажусь.

Смотрю на тело сестры, глажу её руку. Поднимаю взгляд на фамильяров. Спрашиваю:

— Вы научите меня, как спасти сестру?

Ушки Изольды радостно приподнимаются, Семен привстает на задние лапки, беспокойно дергает остренькими ушками

— Ты остаешься? — спрашивает недоверчиво.

Киваю.

— Остаюсь.

Жду, что фамильяры обрадуются, но они замерли и пристально на меня смотрят.

— Со мной что-то не так?

— Все так, — шепчет хомка.

— Тогда что…

Говорю и вижу, как руки окутывает золотистое сияние. В воздухе кружатся оранжевые искорки, падают на кожу и тают, как снежинки. Чувствую, как в животе теплеет. Тепло расползается по телу. Опускается по ногам, до колен и ниже. Поднимается вверх — до груди, в голову.

Перед глазами пляшут веселые огоньки, кружатся и гаснут.

— Марьяна! — два пушистых комочка льнут ко мне, — Марьяночка! Свершилось, ты приняла наследство!

— Теперь ты — наша травница! — объявляет Изольда, — Наша хозяйка, наша надежда и опора! Приняла решение остаться и завещание полностью вступило в силу.

— А до этого оно не вступало?

— На бумаге, да! — скачет по моим плечам радостный Семен, — Но главное, это не дом, не земли, главное — чаровная сила!

— Ну что, новая хозяйка, — провозглашает хомка, — пойдем смотреть владения?

— Пойдем! — соглашаюсь.

Настроение приподнимается. Внутри меня будто открылось второе дыхание. Еще утром лежала без сил, страдая от безысходности после предательства, а сейчас… да, я в другом мире, но я не одна! Я нашла сестру, нашла маленьких друзей! Я спасу её и у меня будет семья.

Закрываю хрустальный саркофаг крышкой и возвращаю в тайную комнатку. На этом настаивают фамильяры.

— Нужно беречь тело и кристалл, — наставляют они, — если что с ними случится, Марго уже не вернешь.

— От кого хоть прячем? — спрашиваю, попутно восстанавливая баррикаду из поломанной мебели. Дверку уже не видно, а фамильяры все молчат.

— Так от кого?

— Мы не знаем, Марьяночка… Марго нам не сказала. Знаем только, что колдовство сильное, не всякому подвластно. Ну и…

— Что «и»?

Изольда прячет мордочку в лапках. Сема прыгает вокруг, успокаивает.

— Ходили всякие, — фырчит он, — на второй же день пришли. Я на чердаке спал. Натаскался пыли, повис отдохнуть. А Изольда Карловна настрадалась.

— С собаками пришли, с котом! — всхлипывала она, — Все перевернули. Кабинет вскрыть пытались, но не смогли. С тех пор крутятся, вынюхивают.

— А что ищут, не говорили?

— Да кто ж с нами разговоры вести будет? — всхлипывает Изольда, — Мы ведь — фамильяры без хозяйки. Считай — движимое имущество, — хорошо, коту не скормили!

Меня пробирает дрожь. Кто-то проклял сестру и приходил в её дом. Разыскивали саркофаг?

Глава 7. Розовый бархат

— Не плачь, — глажу маленькую по голове, — Теперь я с вами, — едва сдерживаю слезы.

Больно смотреть на малышей, которые три года жили в этом пустом доме, прятали сестру, спроваживали непрошеных гостей и ждали меня. Ждали и верили — однажды будет спасение. Терпели унижения, травлю. Кто знает, что еще? Маленького обидеть может каждый.

— Марьянушка, — шепчет хомочка, прижимаясь ко мне крошечным тельцем, — какая ты хорошая девочка! Я по рассказам Маргоши так тебя и представляла.

Тороплю фамильяров — не терпится уже хоть что-то сделать для спасения сестры.

Поднимаемся из подвала в пугающе большой холл. На стенах — наборные деревянные панели, на полу — цветной паркет с травничьими мотивами — деревья, стебли переплетаются, цветы цветут. Вдоль стены длинная лавка с пыльными подушечками.

— Это для посетителей, — рассказывает Сема, — чтобы в очереди сидеть.

Ого, а мы заботимся о клиентах.

Изольда объясняет, что в очереди сидят те, кому нужно срочное зелье.

— Если готового в лавке нет, — она подбегает к высоким

раздвижным дверям. Открываю и оказываюсь в торговой зале. Передо мной — прилавок с застекленными шкафчиками. Шкафчики открыты — полки пустые. За моей спиной также пустые полки и картотечные комоды с выдвинутыми ящиками.

— Королевские соглядатаи все забрали, — слышу в голосе Семена извинения, — мы прибрать не успели. Надо было спрятать хозяйку.

Киваю. В разграблении лавки нет их вины. Фамильяры сохранили самое ценное.

— Ничего, — успокаиваю я хомячку и мыша, — зелья — дело наживное.

Прохожусь по лавке — добротная деревянная мебель, в углу пара пухлых кресел на тонких гнутых ножках, на полу — зеленый ковер с красными цветочками. Большие окна завешены плотными шторами. Сквозь тонкую щелку сочится желтый свет. Выглядываю — на улице день идет к закату. Горят литые чугунные фонари на столбах.

Мимо прогуливаются дамы и господа. Дамы в длинных платьях и чепцах, мужчины — в камзолах и широкополых шляпах. Некоторые даже с перьями, как в фильмах про мушкетеров.

Ничего себе я попала. Теперь понятно, почему Ник пялился на мои джинсы. Он женщин в штанах, наверное, вообще не видел.

— На первом этаже есть еще кухня и пара комнат, но там

сейчас смотреть нечего, Марьяночка, — смущенно говорит Изольда Карловна.

По тону понимаю, что ей неловко от того, что она показывает мне пыль и запустение. Делаю вид, что не замечаю царящий вокруг бардак.

— Пойдемте на второй, — киваю фамильярам и они радостно скачут обратно — в холл. Оттуда — на лестницу с широкими ступенями. Семену по ступенькам лезть тяжело, но мышь пыхтит, старается. Чтобы Изольде не было обидно, подхватываю на руки обоих.

— Второй этаж — только твой, — крылатый экскурсовод быстро взбирается мне на плечо, щекочет мою щеку шелковистой шерсткой, — тут у тебя гостиная, столовая, две гостевые комнаты, спальня и кабинет.

Поднимаюсь наверх. Сразу за широкой площадкой с поваленными с постаментов напольными вазами, видны распахнутые двойные двери с золочеными ручками.

Уже с верхних ступеней перевернутые вверх ножками кресла перед камином. В моем доме есть камин!

Фамильяры с осторожностью наблюдают за тем, с каким восторгом я вокруг него скачу.

Немного успокаиваюсь, пробую перевернуть кресла. Не получается — слишком тяжелые. Поставить их на ножки сможет разве что пара крепких мужиков.

Кроме камина и кресел в гостиной стоит диван. Мягкая мебель обита темно-розовым бархатом. К своему удоволь-

ствию отмечаю, что ткань в хорошем состоянии — почистить от пыли и будет красота. Еще из мебели пара низких столиков и шкаф-бюро. Естественно, пустой. Дверки открыты, содержимое изъято королевскими служащими.

На наборном паркете вижу большой темный прямоугольник — много лет здесь лежал ковер. Через мгновение обнаруживаю его скатанным в рулон и прислоненным к стене в углу комнаты. Спасибо, паркет вскрывать не стали!

Гостиная проходная — такие же двойные двери ведут в столовую. Из мебели тут стулья, резной буфет и длинный обеденный стол, за который, при желании, можно усадить всех покупателей из очереди с первого этажа. За стеклянными дверками буфета белеют ребра тарелок и бока чашечек.

— Посуду не забрали, — отмечаю я.

— Первые бумаги искали, — вздыхает Сёма, — не нашли. А потом другие приехали, забрали зелья и запасы трав.

Столовая тоже проходная. Уже знакомые двойные двери заперты. Дерево в районе петель почернело, вокруг замка — обуглилось.

— Пытались попасть в кабинет, но тут чары сильные. Не пустили. Хозяйку ждали. Тебя, Марьяночка, — голос хомячихи трогательно дрожит.

Глава 8. Новые обстоятельства

Закопченая дверная ручка проворачивается сама собой, стоит дотронуться. Прохожу в просторный кабинет — это первая комната, где нет ни пылинки.

— Защитные чары сохранили порядок и чистоту, — Изольда спрыгивает на пол и тут же вязнет в высоком ворсе темно-зеленого ковра, — здесь все, как оставила Марго в свой последний день.

Подхватываю барахтающуюся на полу хомочку.

— Не последний, — напоминаю и оглядываюсь по сторонам.

Справа зашторенное окно от пола до потолка, как на первом этаже, в лавке. Стены скрыты стеллажами, уставленными книгами. Библиотека выглядит заманчиво и непривычно. Нет ярких глянцевых обложек, кричащих имен. Надписи похожи на закорючки. Корешки книг темно-коричневые, черные, насыщенно-зеленые, глубоко-красные, с золотым и серебряным тиснением.

В центре комнаты — письменный стол, за которым стоит большое кресло, обитое розовым бархатом. Перед столом еще одно кресло, попроще, — для гостя.

Подхожу ближе и понимаю — стол огромный! В моем мире у нас с мужем обеденный стол был меньше. Раза в два. На таком можно и книги читать, и зелье сварить, если срочно.

На многофункциональность мебели намекают пара колб в подставке и широкая мраморная плита, закрывающая часть стола — идеальная разделочная доска!

Напротив хозяйского кресла стоит композиция из мраморных мисочек и стаканчиков. Из них торчат белые, зеленые и коричневые перья неизвестных мне птиц, лакированные палочки, веточки, кисти и пара самых обыкновенных шариковых ручек и цветных карандашей из нашего мира.

Рядом стопка желтоватых листов, придавленная пресс-папье. Трогаю его за ручку, диковинный предмет покачивается на бумаге. Чувствую себя в музее.

Семен срывается с плеча и прыгает на стол.

— Открой яшик! — требует он.

Обхожу стол, пытаюсь сдвинуть кресло, чтобы пробраться к ящику стола. Бесполезно, мебель тяжеленная! Сдаюсь и падаю в мягкое кресло. Ящик, со слов фамильяров, заперт, как и двери, на заклятье, которое меня узнает. С легкостью открываю его и достаю небольшую книжечку с золотистой обложке с тисненым резным листиком.

— Это лист золотистого арранта, — просвещает меня вездесущий Сема, — символ нашего дома.

Замечаю этот же знак на лежащих передо мной листах бумаги, на ручке печати, торчащей в одном из мраморных стаканчиков. Открываю книгу и вспоминаю, что все еще не понимаю язык.

— Изольда, какое зелье нужно выпить, чтобы научиться

читать?

— В круглой колбочки в соседнем ящике, — Изольда Карловна перебегает по столешнице к нужному ящичку. Открываю его. Внутри небольшая коробочка с секциями. В каждой секции крошечный пузатый флакончик с маленькой пробочкой, на которой краской нарисованы разные символы. Хомочка подсказывает мне нужный флакон. Без раздумий откупориваю его. Знакомый с детства запах окутывает меня. Так пахли руки Марго… Опрокидываю в себя зелье. На вкус — просто вода. Проверяю действие — в книге все еще не понимаю ни единой загогулины.

— Теперь надо заснуть, — радует меня Сема, — зелье работает во время сна. Ляжешь и наутро уже все будешь понимать.

Неожиданно. Понимаю, что не смогу заснуть — слишком много всего произошло. Да и день и в нашем мире и в этом.

— Ох, не смогу заснуть. Сема, Изольда, — кладу книгу перед ними на стол, — давайте я буду листать, а вы читайте, что тут написано. Как увидите нужное заклинание, мне скажете.

Фамильяры переглядываются.

— Какое заклинание, Марьянушка? — хомочка садится и озадаченно складывает лапки на пушистом животике.

— Которое нужно, чтобы снять проклятье с Марго.

— Марьяна, здесь ничего нет про проклятья, — осторожно, деликатно объясняет Сема, — Здесь только про травы.

Это же книга травницы. Чтобы спасти Марго, нужно сперва снять с её тела проклятье, а потом провести ритуал, чтобы вложить душу в тело. На такое способен только черный маг.

Понимаю, что перестаю что-то понимать. Роняю руки на стол. Смотрю на перепуганные мордочки фамильяров. Думаю, что ослышалась. Переспрашиваю:

— Кого?

Изольда Карловна оживает первой. Складывает лапочки-ладошки, смотрит умоляюще:

— Марьяночка, не огорчайся. Маг живет во дворце. Его зовут Грегор и он обязательно тебя примет.

— Да-да, — подтверждает Сема, но я не чувствую в его словах уверенности, — он тебя примет. Ты же городская травница, не какая-то крестьянка. Он тебя примет, выслушает.

Выдыхаю. Маг… так маг! Вскакиваю из кресла. Значит, я пойду во дворец.

— Изольда, он далеко?

— Кто?

— Дворец, конечно же.

Нетерпеливо жду ответ. Фамильяры отчего-то медлят.

— Ты хочешь пойти прямо сейчас? — спрашивает Сема и начинает беспокойно кружить по столу.

Киваю.

— Ой нет-нет! — замирает он и вопросительно смотрит на Изольду, та прижимает лапки к приоткрытому розовому

ротику, — Сейчас не выйдет, Марьяна.

Мне не нравятся их ответы. Хмурюсь и вижу, что они замечают мою реакцию. Синхронно прижимают ушки — испугались?

— А что, дворец уже закрыт? — спрашиваю уже мягче, стараюсь интонацией показать, что я нисколько не злюсь.

— Открыт, — шепчет Изольда, — Но тебе нельзя туда, Марьянушка… в таком виде! Мы видели Марго в странной одежде, но другие… — её глазки бусинки широко открыты, она смотрит на меня, на Сему, и, наконец, находит решение, — Тебе надо переодеться!

Я не возражаю. Судя по увиденным мельком дамам на улице — вид у меня и правда экзотический. Когда по нашему современному городу бродят девицы в карнавальных нарядах, люди останавливаются, фотографируют, пальцем показывают, если не очень воспитанные — свистят, кричат вслед. Кто знает, как в этом мире к чудакам относятся. Хорошо, если здесь также. Но мне почему-то кажется, что все гораздо суровее, просто фамильяры не хотят пугать меня раньше времени.

В сопровождении маленьких помощников открываю следующую дверь — в спальню. проход в нее через кабинет, так что комната осталась нетронутой.

Комната кажется уже знакомой, потому что убранство комнаты выдержано в тех же цветах — зеленый, розовый, темно-коричневое дерево.

Зеленые в комнате ковер, шторы и занавеси балдахина, розовое — бархат на лавочке перед кроватью и на уютном кресле в углу комнаты, рядом со столиком, на котором лежит несколько книг. Стены покрыты резными панелями с цветами и резными листиками золотистого арранта.

Кровать украшена настолько массивными и высокими рядными столбиками по углам, что кажется, будто они тут — часть конструкции дома, на которой опирается потолок.

Стоит она странно — ровно посередине комнаты. Между столбиками до самого пола мягко ниспадают плотные занавеси.

Подхожу ближе, откидываю их и заглядываю внутрь. Кровать застелена ярко-розовым покрывалом и завалена горкой цветных вышитых подушек.

Фамильярам кровать не интересна, они ведут меня вокруг нее. Сразу за кроватью у стены стоит небольшой дамский столик с зеркалом и небольшой мягкой табуреткой на гнутых ножках. Справа и слева от столика в стене двери.

— Справа — уборная, слева — гардероб, — просвещает меня Сема.

Глава 9. Платье моей мечты

Открываю левую дверь. Мгновение смотрю в темноту и перед глазами вспыхивает золотистый свет.

— Работает! — радостно вскрикивает Сема, — Зачарованный свет работает!

Часто моргаю, чтоб привыкнуть к неожиданно яркому освещению. В этом магическом мире пока все непривычно. Мышь уже летает вокруг, показывает сияющие шарики над моей головой и вдоль стен. По размеру похожи на лампочки из нашего мира, только висят в воздухе без видимых креплений — Сёма свободно пролетает между этими магическими светильниками и потолком.

Изольда важно, как и положено степенной даме, ведет меня внутрь. Прямо напротив входа, у стены стоит здоровенный сундук. По виду — неподъемный и древний. Дерево местами почернело, медные полосы на крышке покрылись зеленой патиной. Вдоль стен — два массивных деревянных шкафа, между ними — большое зеркало в резной раме. Вижу в зеркале себя. Длинные золотистые волосы, собранные в небрежный хвост рано утром, порядком растрепались. Лицо бледное, под глазами черные тени, нос и губы припухли — последствия пролитых слез.

А одежда… Стою на фоне резных дубовых панелей в пыльных после подвала джинсах, очень пыльной старой

куртке и не первой свежести кроссовках — подошва грязная, в земле и саже после прогулки по даче.

— Марьянушка, пройдем сюда, — приглашает меня хомячка.

Вслед за ней иду к самому шкафу, открываю дверку. Передо мной полочки с аккуратно сложенным бельем, чулочками и носочками — белыми легкими и темно-зелеными, шерстяными, на холодную погоду.

Выбираю себе комплект: шелковая маечка в качестве самого нижнего слоя, короткие панталончики с кружавчиками, поверх — шелковая рубашка до колен. Изольда говорит, что в их мире середина весны, уже тепло, но вечерами бывает зябко, особенно у воды. По её совету беру тонкие шерстяные чулочки.

Хочется скорее скинуть свою старую одежду и примерить новую. Семен смущенно удаляется в спальню. Я снимаю куртку, джинсы.

— Хороша, — хвалит Изольда мою фигуру.

Ищу, куда бы положить пыльную одежду. Изольда предлагает нижнюю полку шкафа. Кажется, что там пусто. Нагибаюсь и понимаю — я не права. С изумлением достаю оттуда темно-синюю джинсовую юбку, вязанный мамой шерстяной свитер, полосатые носки. Одежда Марго!

Прижимаю к груди и едва сдерживаю слезы. Все это время мы думали, что именно в ней она и сгорела!

Изольда разделяет мое настроение, печально вздыхает,

успокаивает. Семен, привлеченный нашей возней, заглядывает в гардеробную, видит меня в одних трусах, сидящую на полу и обнимающую маргошину одежду. Вспискивает и деликатно удаляется.

Я возвращаю в шкаф вещи сестры, сверху складываю свои. Не решаюсь надеть панталоны на голое тело — шелк совершенно прозрачный, как-то неловко. Надеваю поверх своего белья. Далее — маечку и рубашку.

— Теперь — платье! — объявляет фамильярочка.

Спешу открыть вторую дверку шкафа. За ней теснятся платья: шелковые, бархатные, суконные.

— Это — для верховой езды, — замечает Изольда мой интерес.

— Надеюсь, не придется, — бормочу я. К лошади я ближе чем на полсотни метров за всю жизнь не подходила. А уж ездить. Тем более — в платье!

В голову приходит поздняя догадка, что Марго, видимо, ездила. Это же её шкаф. Кто бы мог подумать!

Платьев много на все случаи жизни — от сбора растений до посещения королевского бала. Объединяет их одно — насыщенный темно-зеленый цвет. Спрашиваю Изольду, почему нет одежды других цветов? Она немного удивляется, но сразу вспоминает, что я здесь первый день и все мне в новинку.

— Марьянушка, у нас люди носят одежду зависимости от статуса и гильдии, профессии. Крестьяне носят серую, кто

побогаче — коричневую, другие цвета им носить запрещено. Купцам разрешено носить синий — цвет морских волн, по которым они возят товары. Воинам и дворянам — красный, цвет крови, которую они льют на полях сражений. Королевская семья носит золото, придворным разрешено серебро. Белый — цвет священников. И только травницы могут носить цвет листа, подсвеченного солнцем. Чтобы все видели — идет дама магического племени, редким даром наделенная.

Киваю. С улыбкой вспоминаю присказку отца про «дифференциацию общества по цвету штанов» из его любимого фантастического фильма. Эх, папе тут понравилось бы — все разделены по цветам в реальной жизни.

Слушаюсь совета Изольды и выбираю нарядное платье из тонкой легкой ткани с толстым подкладом — опять же, чтобы не зябнуть вечером.

— Самое то для визита во дворец, — приговаривает Изольда, — шагорский муслин, измарская вышивка, по подолу азорское кружево.

Накидываю платье и кручусь перед зеркалом. Удивительно, но с моими золотистыми волосами и бледной кожей зеленый выглядит вполне ничего. Я почти довольна. Разве что в недоумение приводит шнуровка. Первый и последний раз надевала подобное на свадьбу. И тогда меня ловко зашнуровала Марго. Теперь понятно, откуда у нее такой редкий навык.

Глава 10. Мастерская переодеваний

Решение находится быстро — Изольда зовет Семена. Несмотря на малый размер, малышня быстро затягивает петли у меня за спиной.

— Не забывай, Марьяна, — вещает сквозь зажатые в зубах ленточки Сёма, — мы не простые звери, а фамиляры. В нас вложена сила магическая — все тебе в помощь. Мы крепче, чем кажемся.

Мне не верится. Мышь и хомка выглядят маленькими и хрупкими, но я держу мысли при себе — вдруг обидятся?

Едва дожидаюсь, пока завяжут последний узелок. Верчусь перед зеркалом. Мне ужасно нравится. Кажется, впервые за день улыбаюсь.

— Ну что, обуваюсь и во дворец? — спрашиваю у фамильяров, но зверьки смотрят странно, переглядываются, молчат.

— Что не так? — озадаченно замираю.

Первой решается ответить Изольда Карловна.

— Марьяночка, — осторожно начинает она, подбирая слова, — платье тебе, кхм, скажем так…

— Великовато, — приходит ей на помощь Семен, — немного, самую малость!

Изольда согласно кивает. Я пристально рассматриваю себя в зеркале. По мне так идеально сидит — между корсетом и рубашкой можно просунуть пару пальцев. Идеально, чтобы нормально дышать и, если придется, есть еду, сидеть, поклониться. Кстати, надо узнать, должна ли я кланяться во дворце и кому. Мало ли, не поклонюсь, проклянут или голову отрубят?

Пока я думаю об изучении социальных норм нового мира, мои маленькие помощники вовсю думают, как сделать так, чтобы «платье не смотрелось мешком овса».

— А мне очень нравится, — робко протестую я и тут же наталкиваюсь на две пары укоризненно смотрящих глаз.

— Изольда Карловна, может, другое платье посмотрим? — предлагает Сема, — вон то, бархатное.

— Нет, — качает головой хомочка, — все пошиты на Марго, а у нее чуть шире кость. Марьяночка у нас совсем тростиночка. Фигурка, как у девочки. Ей надо новые платья шить.

— Как это, новые? — огорчаюсь, — Это я когда во дворец попаду?

— Через неделю, — радует меня Семен, — разве что…

— Что?! — жадно хватаюсь за еще не высказанную им мысль.

— Можно взять что-то отсюда, — мышь перелетает на сундук.

Изольда что-то пищит, что не стоит его открывать, но я уже щелкнула замком. Убираю хрупкие бумажные листочки,

которыми накрыто содержимое сундука, достаю первое же платье и понимаю — роскошное! Из тончайшей темно-зеленой шерсти. По открытому лифу, рукавам и до края подола пущена вышивка резными листиками и мелкими цветочками, в центре каждого — маленькая жемчужинка.

— Ну что же ты замерла, доставай еще, — бормочет Сема, но я не могу оторвать глаз от этого наряда.

Под вздохи и кряхтение Изольды меня расшнуровывают. Выскальзываю из платья Марго и запрыгиваю в очередную обновку. Корсет только начали затягивать, а я уже понимаю, что сшито будто на меня.

— Чье это?

— Прошлой травницы, — бубнит Изольда, — той, что до Марго была.

Фамильяры заканчивают с корсетом, Сема проползает по моим плечам, поправляя рукава.

— Бесподобно, — резюмирует он.

Я полностью согласна.

Из зеркала на меня смотрит совсем другая девушка. Не простушка в затертой старой одежке — изысканная дама в изящном платье.

Глубокий зеленый оттенил мою бледную кожу. Однозначно решаю, что отныне — это мой любимый цвет!

Фасон и размер платья мне тоже нравятся. Грудь подчеркнута вырезом, при этом прикрыта выглядывающей из-под лифа нижней рубашкой. Корсет затянут туго, талия кажется

тонюсенькой. Но, что удивительно, дышать могу! Магия, да и только!

Из-под рукавов верхнего платья виднеются белые кружевные манжеты — нежно и скромно, хотя Сема уверяет, что кружева тут «не хуже азорских», что бы это ни значило…

Все вместе выглядит изысканно, не вызывающе, но ужасно женственно! Ловлю себя на мысли, что девушка в зеркале мне нравится! Я бы назвала её красавицей, хотя… стоит привести в порядок волосы и что-то сделать с ногами. Не пойду же я во дворец в старых кроссовках!?

На дне сундука находятся для меня удобные ботиночки из светло-коричневой кожи с золотисто-зеленой вышивкой с фирменными листочками. Примерка показывает, что чуть великоваты. Не беда, достаю из шкафа носки чуть толще, потеплее и вуаля — обувь уже впору!

— Красота! Красота! — вьется вокруг меня Семен.

Изольда все еще сидит нахохлившись в уголке. Только когда становится очевидно, что я не откажусь от этого наряда, постепенно оживает, присоединяется к сборам невесты. Ой, травницы!

— Духи, обязательно нужны духи! — ворчит фамильярочка, — аромат золотистого арранта — наша визитная карточка. Тебя еще не видно, а люди уже знают — идет та самая травница!

Она помогает найти в недрах шкафа шкатулку с хрустальными флакончиками. Вынимаю пробку из того, что опусто-

шен на треть. Зажмуриваюсь и глубоко вдыхаю аромат. Тот самый! Запах Марго! Он растекается по гардеробной. Чувствую, как губы растягивается в улыбке. Касаюсь прохладным кончиком пробки шеи, запястий, добавляю немного на грудь. Чувствую, как меня наполняет радость — аромат Марго… уюта, дома… теперь это и мой аромат. А это — мой дом! Дом травницы Золотого Арранта!

Помимо прочего, на руки мне положены тончайшие перчатки — надеваю и перестаю дышать от переполняющих эмоций. Такой красивой я себя никогда не чувствовала!

Сема, тем временем, шебуршит у меня в волосах. Лапки фамильяр смазал специальным кремом для укладки и сейчас коготками вычесывает и собирает на моей голове изысканное переплетение прядок.

— Готово, — восхищенно шепчет он, — осталось платок!

Хомочка уже спешит ко мне с тончайшей белой паутинкой — шалью из пуха каких-то редких горных коз, название которых мгновенно вылетает у меня из головы.

— Последний штрих! — объявляю и накидываю шаль на голову.

Осматриваю себя в зеркале, оборачиваюсь к помощникам. Они реагируют странно. Хомочка держится обеими лапками за ротик, Сема прикрывает мордочку крылышком и забавно похрюкивает.

— Что с вами?!

Пугаюсь и начинаю переживать за зверьков. А они… хо-

хочут до слез и умоляют снять шаль и не портить прическу.

— Она чтобы накинуть на плечи! Вечером, если озябнешь! — объясняет Сема, немного успокоившись.

— Марьянушка, девочка наша, ты — травница! Имеешь право носить непокрытые и распущенные волосы — знак, что не тяжелым трудом занимаешься, а высокими искусствами. В нашем мире чем туже собраны волосы у женщины, тем тяжелее у нее работа и ниже статус. Если собраны под платок — значит крестьянка или прачка, может, повариха или двор метет. Ты свое богатство не прикрывай, пусть все видят!

Смущаюсь и обещаю, что впредь волосы буду только открыто носить. Раз такое дело — надо привыкать. Новый мир — новые правила. Чтобы запомнить, проговариваю еще раз цвета одежды людей:

— Зеленый — травницы, золотой — королевская семья, серебряный — аристократы, белый — духовенство, красный — воины, коричневый и серый — крестьяне, синий — купцы… Уф, как много всего! — вспоминаю одежду Николаса: черная куртка, темные брюки, — Хм… а черный? Изольда, кто носит черный?

— Палачи, шпионы и черные маги, — с нескрываемым отвращением отвечает хомочка.

Глава 11. Кажется, у меня будет подруга!

До лестницы лечу быстрее крылатого Семена. Скорее во дворец! Даже не верится, что прямо сегодня я могу вернуть потерянную сестру. Стоит только добраться до мага.

Хома и мышь едва за мной поспевают, по пути объясняя, как мне добраться до королевского дворца. Пойти со мной малыши не могут — не до конца понимаю, почему. Что-то связанное с магией дома — они не могут выйти наружу, пока я не войду в полную силу…

— Там дорожка простая, Марьянушка, — щебечет Изольда, — выйдешь с крылечка, сразу направо, до большой площади. Оттуда по самой широкой дороге — увидишь шпили, ну и иди к ним, это и есть дворец.

— Поняла, Изольдушка! — киваю я хомячке.

Мы снова на первом этаже, в холле с резными деревянными панелями на стенах. Передо мной — массивные двойные двери. За ними — мир, полный открытий, новых знакомств и магии. Могла ли я подумать, что попаду в настоящую сказку?

Там и стою, уставившись на мягко поблескивающие латунные ручки в виде извивающихся лиан, будто прилипших к дверям. Фамильяры чувствуют — мне нужно время

решиться и открыть дверь. Когда с той стороны раздается нетерпеливый стук, все мы синхронно вздрагиваем и удивленно переглядываемся.

— Кто это? — шепотом спрашиваю я у зверьков.

Они не успевают пожать маленькими плечиками, как стук повторяется и из-за двери слышится звонкий девичий голосок:

— Откройте, это Лана, королевская травница!

— Травница?!

Голос кажется приятным, располагающим. Я распахиваю дверь и в холл влетает молоденькая девушка, может, чуть старше меня, зеленоглазая и светловолосая, в бледно-зеленом платье, густо расшитом серебряными нитями, на руках — прозрачные салатовые перчатки, на ногах — белые туфельки с вышитыми на них кленовыми листочками. В руках у девушки большая корзина — пустая, только на дне лежит скомканный белый платок с длинной шелковой бахромой, да пара каких-то веточек и травинок.

— Ой! Ты — новая травница?! — девушка доброжелательно улыбается мне, рассматривает мой наряд, — а я — Лана, я…

— Королевская травница, — повторяю я и улыбаюсь в ответ.

— Да! — Лана заливисто хохочет, — Точно, я же кричала в дверь. А я шла мимо. Вижу, в доме Марго шторы колышутся и внешние светильники зажглись по темноте. Ну, думаю,

неужели новая травница объявилась! — Лана внимательно всматривается в мое лицо, — Вы с Марго так похожи, она не говорила, что у нее есть дочка!

— Что ты! Я — её младшая сестра. Меня зовут Марьяна. Я только сегодня прибыла.

Оглядываюсь на жмущихся к ногам фамильяров. Они отчего-то молчат и прижимают лапки к ротикам. Возможно, мне стоит пока молчать о том, что я из другого мира? Или нет? Позже спрошу. Пока решаю попридержать эту информацию.

— Да? — задумчиво смотрит на меня Лана, — странно, про сестру Марго тоже не рассказывала. А сколько тебе лет?

— Двадцать пять, а что?

— Нет, нет, ничего, — Лана все еще смотрит на меня с недоверием, но скоро опять начинает улыбаться, — Ой, что это я на тебя насела. Прости! Куда-то идешь? Может, я тебя провожу?

— Было бы очень кстати! Мне нужно во дворец. А я… в городе первый день.

— О! Я как раз закончила разносить заказы по городским покупателям и возвращаюсь во дворец. Я тебя провожу!

Со спокойной душой выхожу за Ланой на улицу. Улыбчивая травница тут же начинает расспрашивать меня о дальнейших планах и рассказывать о городе, в котором мне предстоит теперь жить.

— Я так тебе рада! — восклицает девушка, перекидывая

корзинку на правую руку, чтобы мне было удобнее идти рядом и болтать с ней, — Целых три года мне приходилось выполнять заказы во дворце и в городе, сбиваюсь с ног! А Марго! Как жаль, что она пропала!

— Вы были знакомы?

— Мы были подругами, Марьяна! Часто встречались поболтать. Уверена, мы и с тобой подружимся!

Мне тоже так кажется. Лана — такая приятная девушка и давно тут живет. Иду с ней по улице и в душе ликую, что так здорово все складывается — и фамильяры у меня золотые, и платье роскошное, и подруга теперь будет!

Глава 12. Нежный вампир

Улица, на которой стоит мой дом, застроена солидными домами. На первых этажах — лавки. С крыльца мы сразу сворачиваем направо, проходим дом портного — вывеска с ножницами, образцы платьев в витрине.

— Марьяна, ты уже заказала себе новые платья? — ненароком спрашивает меня Лана.

Рассеяно киваю, оглядываюсь назад. Смотрю на свой дом. Передо мной двухэтажный особняк с большими окнами, богатой лепниной и множеством светильников, которые уже занимаются огоньком. Замечаю, что тени вокруг плотнеют — вечер?

Напротив моего дома обувная лавка — она уже закрыта. Идем дальше, мимо кондитерской с крендельком на двери и ювелирной лавки.

На улице никого нет, но из окон на нас с любопытством смотрят дамы и господа. Вежливо, чуть замечают, что их заметили — приветливо машут руками. Лана машет в ответ.

— Тебе повезло иметь дом на торговой улице, здесь много приличной публики!

Публика одета во все оттенки синего и красного — аристократы и торговцы. Иногда между ними, как тени, мелькают служанки в темно-коричневых платьях.

Через три дома улица заканчивается и мы выходим на

круглую, как плоская тарелочка, площадь.

Стараюсь сдерживать эмоции и не показывать удивления. Даже если бы я приехала издалека, из соседнего города или королевства, я должна была проехать по улицам. Но… Лана замечает, с каким восхищением я осматриваю плотно пристроенные друг к другу дома в высокими резными крышами, тонкими колонными, обвитыми плющом, кованые ворота и висящие тут и там светящиеся магические шары.

— Раз ты впервые в Веллингере, я все тебе покажу! Начнем с главной площади! Мы с Марго часто пре… пересекались здесь, вон у того колодца!

Лана указывает на высокую беседку с каменными колоннами в центре. Подходим ближе и под черепичной крышей я вижу вовсе не ожидаемый цилиндр колодца, а широкий бассейн с изящным фонтаном. Склоняюсь над ним и замечаю разноцветные спинки.

— Ой, рыбки!

Лана подходит ближе, ставит свою корзинку на бортик фонтана.

—Когда-то на месте Веллингера была деревушка на несколько домов и здесь был колодец. Деревушка со временем превратилась в город, город — в столицу пяти королевств, а колодец… теперь очень красив! Смотри, — она указала в центр, — видишь башенки, из окошек течет вода? Это королевский замок в миниатюре. Он стоит на основании — это символ нашего королевства, а дальше чаша фонтана.

Она поделена на четыре части — по количеству подчиненных Веллигеру королевств. Рыбки символизирует жителей.

Я присмотрелась и поняла, что маленькие жители подводного королевства также разделены по цвету — стайки коричневых и блеклых серых рыбок плавают на глубине, выше — крупные красные карпы и синеспинные юркие рыбешки.

— Не видно красных, серебряных и золотых, — отмечаю я.

— Такие только во дворцовых фонтанах, — смеется Лана, вокруг разом зажигаются несколько фонарей, — пойдем, пожалуй, а то скоро стемнеет.

Встаю и мы идем прочь с пустой площади. Травница уверяет меня, что утром тут будут толпы народу — до обеда вокруг фонтана шумит рынок, еще пару часов после — выступают циркачи и скоморохи, после площадь начисто убирают и люди расходятся по домам.

С площади идем к самой широкой улице — как и говорила Изольда, я сразу вижу силуэты дворцовых шпилей на фоне нежно-фиолетового неба. Идем с Ланой мимо роскошных особняков. Она рассказывает, что здесь живут аристократы, богатые купцы, придворные. За высокими заборами звучит музыка, звенят бокалы и слышен смех — богатые люди ужинают на открытом воздухе. Скоро нас замечают. Лану просят на минутку зайти в дом — взять заказ для состоятельной покупательницы.

— Я подожду на улице, — говорю я.

Лана кивает и скрывает за воротами, а я остаюсь одна — с наслаждением разглядываю богато отделанные дома, золоченое кружево оград, скульптуры и множество света — на моей улице фонари стоят часто, но тут все буквально залито магическим светом. Нет ни одного темного уголка!

Улица кажется пустой, но вот где-то скрипнула дверь. Оборачиваюсь и от неожиданности пячусь назад. Почти вплотную ко мне стоит высокий мужчина в черном. Свет будто обтекает его фигуру, скрывая лицо. Я вижу лишь кисти его руки и тонкую полоску белой кожи над воротником его куртки.

Он склоняется ко мне и вдыхает воздух рядом с моей шеей.

— Кто вы?! — вырывается у меня.

Я отступаю назад, шаг за шагом, пока не упираюсь спиной в фонарный столб.

Незнакомец мягко ступает по камням, бесшумно приближается. Я повторяю вопрос. Он взмахивает рукой, будто разрешая свету падать на его лицо.

Сердце замирает от пронзительной красоты — у незнакомца большие черные глаза на бледном худом лице, тонкий нос, брови вразлет, тонкие алые губы, резкие скулы. Вид имеет немного болезненный, но прекрасный.

— Горан, — представляется он и я понимаю, что его голос звучит сладко, как мед, — а как зовут тебя, новая травница?

— Марьяна, — шепчу я, не в силах оторвать взгляд от его

завораживающего лица.

— Марьяна, — он будто пробует мое имя на вкус, — У меня есть к тебе одно дело. Могу я быть твоим гостем?

— Д…да, — отвечаю неуверенно, но сил отказать красавчику у меня нет.

За спиной Горана слышен скрежет ворот.

— Марьяна! — испуганно кричит Лана, — Марьяна!

Горан берет меня за руку и касается запястья губами. Ощущение, будто к коже приложили кусок холодного железа. Я смотрю на мужчину сверху вниз и понимаю, что на мостовой вокруг нас только одна тень — моя.

— Марьяна… хочу увидеть тебя еще раз, — шепчет Горан, отпускает мою ладонь, делает шаг и… растворяется в воздухе.

— Марьяна! — ко мне подбегает испуганная Лана, — что он хотел от тебя?!

— Хотел в гости, — растерянно отвечаю я, потирая запястье, — у него есть ко мне дело.

— Какое дело может быть у тебя с вампиром? — моя новая подруга в ужасе.

Глава 13. Дворец

Едва успеваю прикрыть распахнутый в изумлении рот. Вампиры? Здесь есть вампиры?! И что он хотел от меня? Вечной любви или с гастрономическими целями?

— Марьяна, — Лана осматривает шею, с беспокойством проводит по моим рукам, — надеюсь, ты не приглашала его в свой дом?

— Нет, но… кажется, я пригласила его в гости…

— О нет! Марьяна! Он же… Зачем?!

— А что такого?

— Ты, видимо, совсем… — судя по лицу Ланы, она хочет сказать «совсем ку-ку», но сдерживается, — издалека! Откуда же ты?

— Я… слушай, а мы не опаздываем во дворец?

Лана смотрит на тени, которые почти полностью растворились в ночной тьме и хватается за корзинку.

— Быстрее, — торопит она меня, — после полного заката ворота закроют до утра!

— Солнышко скроется, муравейник закроется, — бормочу я.

Лана даже не замечает. Королевская травница тащит меня вдоль богатых особняков к подпирающим небо шпилям.

Мне ужасно любопытно посмотреть на настоящий королевский дворец в настоящей волшебной стране, но чем бли-

же к стенам дворца, тем меньше освещения. Только у внешних ворот пара золотистых шаров выхватывают из тьмы грубую каменную кладку.

Дворец и город отделяет темный провал с перекинутым через него мостом.

— Осторожно, не оступись, — задыхаясь от бега, шепчет Лана, — в канале водятся рыбы-людоеды.

Стремительно меняю траекторию — подальше от опасного края. Спасибо, что предупредила!

У ворот, под шарами, стоят охранники в серебристых доспехах. Пробегаем мимо, сразу за нашими спинами они начинают возиться с подъемным механизмом ворот.

— Успели! — улыбается Лана, переходит на шаг.

Мы во внутреннем дворе. Вокруг довольно темно — освещены магическими огнями только вход в комнатку охраны рядом с воротами и широкая каменная лестница, идущая наверх.

Лана озирается по сторонам — привратники закрепляют цепи, на которых держится мост через канал, их сменщики шумят за дверью. Судя по звукам — идет пирушка. Девушка одергивает платье, поправляет перчатки, горделиво откидывает назад светлые волосы и степенно, как и полагается королевской травнице, поднимается по ступеням. Даже корзинку держит иначе, изящнее, в руке, а не на изгибе локтя.

Иду следом, стараясь по возможности повторять за Ланой. Поднявшись по лестнице попадаем на залитую магическим

светом площадку, отгороженную невысокой стеной. Невысокой, относительно предыдущей! Если внешняя стена верхним краем тонула в ночи, то зубчатый верх этой преграды в паре метров над нашими головами ярко освещали множество крошечных фонариков. Судя по снующим между ними теням, дальше, во дворце, довольно многолюдно.

Нас встретили четверо привратников, закованных с серебристые доспехи.

— Простите, госпожа травница, после заката ворота заперты, — извиняющимся тоном проговорил один из них, указывая кончиком копья в темное, без намека на остатки солнечных лучей, звезды или луну, небо.

Меня вид запакованного в железо мужика с острым, явно не игрушечным, копьем в руке, привел в трепет.

— Может, пойдем? — тихонько предложила я новой подруге.

Лана посмотрела на запертые ворота, сморщила хорошенький носик и надменно заявила:

— Как смеешь ты говорить так с королевской травницей! Немедленно открой, иначе я буду жаловаться твоему начальству!

Она сделала шаг вперед. Кончики копий дрогнули и через мгновение устроились ей в грудь. Лана же, крошечная на фоне двух огромных привратников, не смутилась.

— Вы пожалеете! — закипела она, — Я живу во дворце! И буду приходить сюда тогда, когда пожелаю нужным!

— Правила одинаковые для всех, — дрогнувшим голосом ответил ей один из мужчин, — даже его высочество спешит вернуться из города до заката.

— Его высочество… — начала травница ехидно, но вовремя осеклась и умолкла, — немедленно зовите начальника королевской охраны!

Кончики копий затрепетали.

— Желаю видеть Николаса Лима!— заорала Лана, — Сейчас же! Немедленно!

Никогда в жизни не бывала в настоящем дворце. Всегда казалось, что тут все должны быть вежливыми, предусмотрительными и отягощенными этикетом. Совсем не ожидала, что с виду мягкая и приятная Лана будет вести себя как сотрудница паспортного стола, разгоняющая очередь из желающих прорваться вне очереди.

Лана продолжает бушевать и угрожать вооруженным мужчинам. Я же думаю, как незаметно сбежать. Желательно до того, как мужчины вспомнят, что вооружены и век у них на дворе стоит не двадцать первый, со всем его гуманизмом и толерантностью, а, кажется, что-то похожее на средневековье с кострами, судами без присяжных и женщинами без прав. Или я что-то не знаю о травницах?

Похоже, так и есть. Мужики терпят несносную Ланку минут десять, переглядываются, один из них ставит копье к стене и скрывается за воротами.

— Бежим? — шепотом предлагаю я.

— Брось, — шепчет мне в ответ травница, — Все получилось. Сейчас он вернется с начальством и нас пропустят. С этими деревенщинами главное — вести себя уверено и не показывать, что боишься.

В ответ только вздыхаю. Мне кажется более правдоподобным, что привратник сейчас вернется с подмогой и нас вышвырнут в город. А хотелось бы уйти самостоятельно! В целости и сохранности.

В наступившей тишине слышу, как стучит металлом о брусчатку привратник по ту сторону ворот. Стучит недолго, искомое начальство оказывается стоит практически по ту сторону входа.

— Господин Николас, — долетает до меня, — там травницы, буянят. Впустить?

Николас отвечает тихо, неразборчиво. Лана победоносно смотрит на меня. Ободряюще подмигивает.

— Госпожа Лана и вторая. Никак нет, имя не спросил. Виноват, исправлюсь. Как выглядит? Глаза голубые, волосы золотистые, платье зеленое. Красавица, господин Николас, — вздыхает охранник, — редкая красавица.

И что они заладили — «красавица, красавица»? Обычная у меня внешность!

Глава 14. Николас Лим наедине со своими мыслями

Какие же у нее глаза. Удивительные. Голубые, глубокие, как вода горного озера у подножия родного замка. А в воде отражается холодное зимнее небо… Темнеют, когда она взмахивает густыми ресницами. Черными… удивительно, ведь волосы у неё золотые. Мягкие, шелковые. Когда упала мне в руки, скользнула прядями по моей щеке, будто сова мазнула невесомым крылом.

Разозлился, психанул. А потом встретился взглядом и забыл, зачем забрался в дом травницы!

Никогда не верил в любовь с первого взгляда, но эта девушка… Испуганная, нежная и хрупкая. Как маленький зверек, бегущий от охотничьей собаки. Прижалась, ища защиты.

Марьяна… Имя слетает с языка. Сворачиваю с торговой улицы в пустой переулок. Хлопают двери. Добропорядочные жители не рады моему присутствию. А она… доверчиво прижалась, заговорила первой.

Впрочем, судя по её наряду, Марьяна мало знает о нашем мире.

Кто бы мог подумать: на самом обыкновенном, идиотском, на первый взгляд, задании, встречу удивительную,

неземную, прекрасную…

Вспоминаю, как меня выставили из дома пара магических зверей… Откуда они взялись? Они же привязаны к хозяину. Если прежняя травница уехала, должны были отправиться с ней. Если умерла — отправиться с ней на тот свет. А эти отчего-то ждали новую… странно. И какие наглые, совершенно распустились за три года. Хамят, командуют. Вспоминаю, как стушевался перед Марьяной. В другой раз заткнул бы, а тут — растерялся и промолчал.

Краснею под напором воспоминаний и сворачиваю в едва заметный проулок. Хочу скрыть свое смущение в сумеречной тени. Хочу остаться один.

Надеюсь, никто не видел, как начальник королевской охраны вылетел пробкой из дома городской травницы. Если видел, нужно найти свидетелей и пригрозить, чтобы не болтали.

Еще поползут слухи, что я старею и теряю хватку… Не хотелось бы потерять авторитет среди городской шпаны из-за единственного за всю службу прокола.

Еще час я бесцельно брожу по городу, пытаясь успокоиться.

Брожу бездумно, безучастно. Закрываю глаза и вижу её прекрасное бледное лицо. Хватаю пальцами воздух и чувствую тепло её ладони. Губы шепчут её имя. Марьяна, Марьяна. Прекрасная, неземная, волшебная.

Очнулся во дворце. За спиной — ворота внутреннего дво-

ра. Привратники совсем распустились — пропустили без положенного приветствия и вопросов. Надо будет выдать всем штрафные дежурства.

Для профилактики лени и повышения бдительности. А если я — враг короны, коварно принявший вид Николаса Лима?

На кончики сапог падает густая тень главного шпиля. Скоро ночь — мое время. Проскальзываю по дворец и растворяюсь в темноте боковых коридоров, подальше от ярко освещенных бальных зал и уютных гостиных, наполненных расфуфыренными придворными.

Спешу в свой кабинет. На закате назначена важная встреча. Планировал вернуться раньше и перебрать бумаги, но голубоглазая чаровница смешала чувства и планы.

Открываю дверь. В моем любимом кресле за заваленным секретными бумагами столом развалился ухмыляющийся белобрысый увалень. При виде меня взлохматил копну своих соломенных волос и демонстративно закинул правую ногу прямо на гору документов. Закинул бы и левую, но она итак лежит поверх стопки личных дел городских карманников.

Прикрываю за собой, щелкаю по очереди пятью замками, проверяю установленную штатным магом защиту от прослушки и только после этого оборачиваюсь к посетителю.

— Ваше высочество, — приветствую блондина, — можете убрать сапоги с нужных мне документов?

Белобрысый в ответ нехотя убирает одну ногу.

Подхожу и сталкиваю вторую. Подумав, спихиваю нахала с кресла.

— Эй, Ник, ты чего? - недоуменно смотрит на меня его высочество с засыпанного документами пола.

— Ничего, — поправляю покосившийся портрет его отца, висящий на стене за креслом, усаживаюсь на свое законное место.

— Кто тебя укусил? — величество делает вид, что отряхивает расшитые золотом штаны.

— Никто, — делаю ужасно занятой вид, начинаю собирать смятые бумаги в ящик стола.

— Врешь.

Вру. Но его не обманешь. Слишком много времени провели вместе, чтобы играть в эти игры. Ланс стирает улыбку с лица.

— Нашел? — спрашивает серьезно.

— Нет.

— Что-то нашел, — качает головой Ланс, — рассказывай.

— Девушку, — отвечаю нехотя.

Нет смысл скрывать, все равно узнает. Ланс меняется в лице, бросает кривляния и шутки.

— Ник, это она отравила моего отца? Ты нашел её?

Вздрагиваю от неожиданности. Отравила? Марьяна? Напряженно, но быстро думаю. Лансу ничего не стоит отправить стражников в обследованный мной дом прямо сейчас.

— Нет, — качаю головой, — в найденном тобой блокноте

сказано, что его величество посещал дом травницы за год до смерти. А девушка появилась только сегодня.

— Уверен? — глаза Ланса горят нехорошим огоньком.

— Абсолютно, — мой голос предельно спокоен, но внутри все обрывается.

Принц взял лучшие черты своего отца и матери. От первого ему достались справедливость и ум, от последней — красота и иррациональная преданность семье. Королева на все готова ради сына и мужа. И Ланса воспитала таким же. Иногда я искренне рад, что меня он считает частью семьи.

— Жаль, — Ланс выдерживает мгновение и вяло опускается на стул, — я был уверен, что убийца там.

Почему? Смотрю на него с немым вопросом. Он прекрасно понимает меня без слов, по глазам. Вздыхает.

— Я вскрыл склеп, — признается он.

— Что ты сделал?! Ты с ума сошел?!

— Тихо ты, не ори, — морщится принц, — с тех пор, как нашел записную книжку его секретаря, не нахожу себе места.

Это правда. Книжечка нашлась случайно — королева затеяла переделку королевского кабинета. После ремонта туда должен был въехать Ланс.

«Чтобы привыкал к будущей роли» — объяснила она. После смерти мужа королева-мать крепко взяла власть в свои руки, позволив сыну спокойно взрослеть и учиться. Но через год ему будет двадцать пять — время принять корону и занять свое место.

Ремонт в своем кабинете Ланс матери делать не позволил. Сам все спланировал, выбрал цвета, архитектора и рабочих, которые о ремонте отчитывались лично ему, а не королеве. И когда под подозрительно хлипкой половицей нашли шкатулочку с книжицей, отнесли ее заказчику. Ланс быстро понял, что в руки к нему попала записная книжка его отца. А в ней — все его встречи и занятия в последний год жизни. И в последнее время он сам не свой — читает и перечитывает. Все ищет что-то. Но что -- сам не знает.

— Ты свихнулся, — резюмирую я, — ну сходил твой отец в дом городской травницы за год до смерти. Что такого?

— Пять раз! Он был у нее пять раз в последний год, Ник! — психует наследник, — Каждый шаг отца записывали в десять протоколов, а этих посещений в официальной хронике нет!

— У него были свои секреты, — вяло отвечаю я, — он же король.

— Вот именно. Какой это может быть секрет?

— Ну, может, это была его любовница?

— Бред, — возмущается Ланс, — отец обожал маму.

— Ну а что тогда?

— Она отравила его. Приворожила, а потом отравила. Я уверен, это она.

— Да с чего ты взял?

Ланс лезет во внутренний карман расшитой золотом куртки. Осторожно кладет на мой стол небольшую вещицу,

завернутую в бумагу. Достаю из карандашницы длинную шпильку-отмычку. С серьезным видом тыкаю в сверток.

— Не паясничай, — хмурится Ланс, — ты знаешь, я не стал бы таскать опасные предметы в кармане.

Что ж, издевательство над принцем не удалось. Разворачиваю сверток. Моих пальцев касается нежный шелк носового платка.

— Зеленый, — говорю я, — без вышивки.

Подношу к лицу. Чувствую легкий пряный аромат. Нежный, теплый, едва ощутимый.

— Вот именно! Платок травницы, — наседает на меня принц.

— И что?

— А то! Этот платок я нашел в могиле отца. Он хранил его в потайном кармане, у самого сердца! Платок травницы. А еще… его ногти позеленели.

Это уже плохо.

— Яд. Но маг и королевская травница осматривали тело. Они сказали, король умер от разрыва сердца.

— Они ошиблись, — горько бросает Ланс и тянется за платком.

Быстро открываю ящик стола и смахиваю платок внутрь.

— Ты идиот, — захлопываю ящик, едва не прихватив пальцы его высочества.

— Верни платок!

— Ты идиот вдвойне, — отталкиваю принца от стола, —

если уверен, что короля отравили неизвестным ядом, платок может быть отравлен. Убери руки и больше не таскай с собой подозрительные вещи. Сразу неси ко мне.

— Ник, теперь ты мне веришь? Ты найдешь её?

Пожимаю плечами. Пока очевидно лишь одно — смерть короля стоит расследовать. Дело не так просто, как казалось королевской охране. Зеленые ногти у трехлетнего покойника — явный признак отравления.

— Думаешь, это она?

— Яд — оружие женщины, — усмехается принц.

— Я займусь, — решаю я.

Он кивает:

— Это я и хотел услышать. И еще.

— Да?

— Пока тебя не было, перечитал бумаги. Да, пошарил в шкафу, извини, было скучно. Я нашел еще кое-что. Смотри.

Пришлось унять раздражение. Не люблю, когда роются в моих документах. Пусть у него и есть на это полное право.

Принц берет со стола кипу листочков, вынимает из нее небрежный рисунок. По протоколу после смерти короля охрана обязана зафиксировать до мельчайших деталей. Но смерть была признана ненасильственной, потому толстые папки осели в нашем архиве без особого внимания.

Читаю «Повреждения обстановки, лист № 9». Вижу зарисовку от художника — подоконник королевской спальни с узнаваемым резным краем. Ниже подпись автора и приписка

«Свежий след оборотня, ранен, найдены следы крови».

— Рысь, — Ланс трясет перед моим лицом, — в ночь смерти в спальне отца был оборотень из семьи рысей!

— Надо найти эту рысь…

— И вампира, который был секретарем отца. Он исчез сразу после похорон.

— И как предыдущий начальник охраны не заметил, что пропало доверенное лицо умершего короля? — задумчиво спросил я.

— Понятия не имею, — огрызнулся Ланс, — я был занят утешением матери.

— Как жаль, что мой предшественник тоже умер. И как удобно… Но кому?

Ланс многозначительно посмотрел на ящик стола, скрывающий зеленый шелковый платок.

На его груди подскакивает и начинает быстро вращаться золотая монетка.

— Мать призывает на очередной прием, — с досадой бормочет он, дотрагивается до артефакта, успокаивая его.

Срабатывает, но ненадолго. Ланс корчит недовольное лицо и направляется к двери.

— Травница, оборотень и вампир, — сказал он напоследок, — найди их, а я распоряжусь, чтобы подготовили пыточную и эшафот. Они ответят за отца. Каждый. Каждая. Они пожалеют.

Стягиваю с ноги сапог, размахиваюсь и со всей силы за-

пускаю им в его высочество. Белобрысый ловко уворачивается и выскальзывает за дверь до того, как я обзавожусь вторым метательным предметом.

Перед ежевечерним рейдом по злачным закоулками и городским трущобам собрался отдохнуть. Хотя бы пару часов. Успел только стянуть второй сапог, как на пороге моего кабинета возник шкафоподобный парень с простым деревенским лицом и россыпью веснушек. В одной руке он сжимал красный колпак королевского палача, со второй свисал моток толстых цепей.

— Ник, примешь работу? — он виновато шмыгнул носом.

— Дор, какую еще работу? — устало спросил я, откидываясь в любимом кресле, из которого я не планировал вылезать до полуночного колокольного звона.

— Ланс, то есть… его высочество… просили подготовить камеры. Я все сделал. Номера, кхе-кхе, подобрал, инструмент подходящий нашел, в камерах разместил, жду постояльцев, так сказать.

— Каких постояльцев? — не понял я.

— Ну как же, — Дор неловко переступил с ноги на ногу, — Ланс говорил, ждем оборотня, вампира и… женщину.

— Дор, иди ты…

— Куда?

— В номера!

Королевский палач от сапога увернуться не успел, но намек понял. Посмотрел, как я замахиваюсь второй раз, и

неуклюже попятился к двери.

— Ник, у меня приказ.

Я с сожалением опустил так и не брошенный сапог. Второй раз за вечер.

Дор радостно замер на пороге. Этот великан ведь не отстанет.

— Да иду я, иду. Сапог подай. Не на стол же!

Дор стушевался, смахнул обувь со стола. Ценные бумаги зашелестели по полу. Удивительно, каким неуклюжим может быть палач вне стен пыточной.

— Я сейчас все соберу, — сдавленно пролепетал он.

— Не надо, — я махнул рукой, — пойдем уже.

Мы с Дором прошли темными коридорами, вышли во внутренний двор. В углу чернел вход в подземелье, когда я услышал знакомый требовательный голосок.

— Желаю видеть Николаса Лима! Сейчас же! Немедленно!

Появилось непреодолимое желание прибавить шаг, что я и сделал. Скрипнули ворота. Дежурный привратник огляделся, увидел меня и, скрипя доспехам, бросился навстречу.

— Господин Николас, — с облегчением пробасил он, — там травницы, буянят. Впустить?

— Лана, видать, снова загулялась в городе, — заулыбался Дор, — пропусти, Ник?

Королевская травница много лет не давала покоя его мыслям, но палач при виде девицы краснел, бледнел и терял дар

речи. Лана же вовсе делала вид, что не замечает неуклюжего палача.

— Может, проучить её, чтобы приходила вовремя? — пробормотал я, стараясь говорить с привратником потише, чтобы вредная девица за воротами не услышала ненароком, — Подожди, ты сказала «травницы»?

— Госпожа Лана и вторая, — отрапортовал дежурный.

— Имя назвала? — сердце дрогнуло и забилось быстрее.

— Никак нет, имя не спросил.

— Будет выговор и пять дежурств вне очереди за разгильдяйство, — порадовал я нерасторопного привратника.

— Виноват, исправлюсь!

— Как выглядит, запомнил?

— Как выглядит? — привратник приподнял забрало шлема, задумался, припоминая, — Глаза голубые, волосы золотистые, платье зеленое. Красавица, господин Николас, редкая красавица.

— Марьяна, — с губ срывается имя, — это она.

Сдвинув проштрафившегося дежурного в сторону, направился к воротам. Захотелось лично узнать, что эта прекрасная девушка делает ночью в королевском замке в обществе такой сомнительной особы как Лана Рейн.

Глава 15. Он меня обнюхал!

Николас возник в воротах, кажется, еще до того, как охранник договорил последнюю фразу. Лана просияла. Я, к своему удивлению, тоже рада увидеть знакомое лицо в этих жутковатых декорациях.

— Мар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.